

4 248 17
477

ИРТЫШАНКА

2016

ИРТЫШАНКА

(коллективный сборник)

АЛМА-АТА
«ЖАЛЫН»
1984

Р 2
И 84

- 19116 - Св. 8410

**Иртышанка: Коллективный сборник
И 84 стихотворений / Сост. Н. М. Чернова.—
Алма-Ата: Жалын, 1984. — 72 с.**

Авторы коллективного сборника — молодые поэты,
члены литобъединения трех областей Прииртышья — Пав-
лодарской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской.

Р 2

И 4702010200—053 199—84
408(05)84

© Издательство «Жалын», 1984

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ БАРАКЕ

На барак приземистый, робкий,
Надвигались шагом широким
Крутоплечие и глазастые
Те дома, что и солнце застыт.
Свысока косились соседи,
И пришел его час последний...
Вдруг зловещая и огромная
Заплясала над ним изломанно
Тень горбатого великана,
Дважды вздрогнула стрелка крана,
С крыш метнулись испуганно галки,
Затрещали стропилы и балки;
Видно, лязгом железным контуженный,
Он вздохнул тяжело и натужно.
И в пейзаж вдруг врезался грубо
Ветхий остов темного сруба;
Над кварталом все плыли и плыли
Облака темно-бурой пыли...

ТРАКТОРА

Снег долгожданный

наконец пожаловал,

Покрыта им стерни

пожухлой ржа.

Пуховые накинув полушалки,

Стряхнули пыль дорожную с кабин.

сторожат.

Не верится — все глохло не

от шума ль?

Висела пыль над степью до утра.

Примолкли и стоят теперь в

раздумьях

В глубинах сел трудяги-трактора.

Лобастые и верные машины

Усталость сбросили с могучих спин,

Мазутной грязи смыли мешанину,

Стряхнули пыль дорожную с кабин.

И как не задохнулись от надрыва

Их добрые железные сердца?

И долго нив желтеющая грива

Им будет в предвечерней мгле

мерцать.

* * *

Пырей. Желтняк. Краснокоренка.

Отец твердил: запоминай,

Чем наша кормится Буренка,

Когда приходит месяц май...

Траву топчу беспечно в мае,

Внимаю птичьим голосам,

Их языка не понимаю,

Названья трав не вспомню сам...

СНЕГОПАД

То ли с сосен, то ли с неба
Вьется, вьется пряжа снега,
Кружит, кружит кутерьма,
Ослепляет словно тьма.
Снег за ухом, снег на шапке —
Как медведь, бреду я шатко.
На глазах распух пенек,
Шапку нахлобучил,
Я его узнать не смог —
Интересный случай.
Как невеста под фатой,
Робкая сосенка,
Хоть морозец и крутой,
Увязалась вслед за мной
Хохотушка Сонька.
Снег легко залез под шарф
И забрался в валенки,
Сонька, круглая как шар,
Прыгает с завалинки.
Прямо с крыши, прямо с крыши
Смело съехал я на лыжах
А за мною — малышня,
Рады — новая лыжня!

* * *

Выздоровливал после кори,
Жадно льнул к окошку с утра.
Щупал высушенные корни
Каких-то диковинных трав.

И томился в раме туманной,
Целый день скучал под замком.
Не мечтал о небесной манне,
Был с земною манкой знаком...

Стану взрослым
И настоящий
Плот сварганю. На зло всем-всем
Утром, розовым и звенящим,
Уплыву... уплыву насовсем.

.

* * *

Забыты стародавние ремесла,
Как песни и слова ушедших лет,
Кругам гончарным славу не возносят —
У нас им нынче места вроде нет.

Но в сыновьях, ученых и пилотах,
Живучи силы пращуров седых;
И глазомер Владимирского плотника,
И дерзость суздальских мастеровых.

* * *

Еще неглубоки морщины
И можно над ними шутить.
В косе темно-русой и длинной
Одна только белая нить.

Еще не ссутулились плечи,
Не вызрела полностью гроздь,
И долог рябиновый вечер,
И утро прозрачно насквозь.

Но слезы уже поостыли
И сделался сдержанней смех.
Так сказки становятся былью
Для всех, непременно для всех.

КУЗНЕЧИК

От зноя полдень весь седой
И так далек желанный вечер!
В окно квартиры городской
Влетел коричневый кузнечик.

Сидел, задумчив, темноглаз,
На желтой клеточке паркета.
Наверно, знал он больше нас,
Какое это счастье — лето!

МЕСЯЦ АВГУСТ

К летним дням давно привыкли птицы,
Выгорели бабочки на ситце,
А цветы у заводского клуба
Польхают на квадратных клумбах.

Потемнела зелень, заглубела,
И в садах малина переспела.
Стали ночи чуточку длиннее,
Мы друг другу сделались роднее.

ГРОЗА

Налетевший ветер бабочек унес,
Разогнал с поляны золотистых ос,
Обломал засохшие сучки,
Сдвинул с мест трухлявые пеньки.

Бор смотрел сквозь струи на село,
Как во двор старик через стекло.
К вечеру утихло. Влажные следы.
Выпрямили спинки белые цветы.

ОСЕНЬ В САДУ

Шел по саду сторож —старенький, негрозный.
Нес он на фуражке в паутине лист.
И свисали с веток винограда гроздь,
И вдогонку неся птичий пересвист.

Тоненькие ветки, хрупкие, как льдинки,
Листьями звенели у его лица.
И шаги неслышно гладили тропинку,
И тропинке этой не было конца.

Отгорело солнце
и в больших корзинах
Унесли из сада лето умирать.
Шел по саду сторож, и ему на спину
Лист слетал прохладный — осени печать.

ЯСНЫЙ МЕСЯЦ

Чтоб пути у нас сходились
На конце земли любом —
Вместе с месяцем родились
Мы в июле голубом.

Чтобы я не знал обмана,
Чтоб душой не обнищал,—
Вышел месяц из тумана
И удачу обещал.

Ни в затмения я не верил,
Ни в земной, ни в прочий рай.
Землю только вглубь не мерил,
А прошел из края в край.

И тогда перевернулся
Тонкий месяц за горой.
Я в родимый дом вернулся
Августовскою порой.

— Что с тобою?
— Были, мама,
Были в мае сентябри,
Вышел месяц из тумана
И виски посеребрил.

Мог и я его приветить.
Всем превратностям назло,
Довелось удачу встретить,
Да затмение нашло...

* * *

Не помню, что было вначале,
Не знаю, что будет в конце.

Блаженно лежу на причале,
Как в детстве на теплом крыльце.

Играю с букашкой заблудшей,
Соленые брызги ловлю.

И берег — за то, что он лучший,—
Последней любовью люблю.

Горячий песок обнимаю —
И больно и сладко плечу.

Что будет со мною — не знаю,
Не знаю и знать не хочу!

* * *

Не от погоды ветреной
Склоняется лоза —
Со стороны подветренной
Зашла на степь гроза.

 Ни кочки, ни колдобины
 За ливнем не видать...
 — Впустите, люди добрые,
 Ненастье переждать.

И высек гром над крышею
Из низких туч огонь,
Как будто гривой рыжею
Потряс багровый конь.

 — Входите,— было молвлено
 С улыбкой на лице.
 И высветлила молния
 Тебя на том крыльце.

РУКИ КУЗНЕЦА

Нет, не золотые
были руки у него —
литые,
из тяжелого,
шершавого металла.
Вот такие
называют
свинцовыми,
чугунными,
пудовыми,
труд любой
творящие
по-доброму.
Не принижу
благородного металла,
только рук таких
за золото не купишь,
потому что
с детства
руки те впитали
в кожу,
в кровь свою,
не крохи золотые,—
соль земли
и искры
доброй стали.

ЖАТВА

Словно в обойму сжато
Слово объемное — жатва.
Короткие сутки —
Жатва.
Тяжелые руки —
Жатва.
Усталые люди —
Жатва.
Веселые люди —
Жатва.
Сны забывают —
Жатва.
Дождь проклиняют —
Жатва.
Пустые конторы —
Жатва.
Сводки, как с фронта,—
Жатва.
Газетные строки.
Даты.
Сжатые сроки —
Сжаты.
Жизнь по-походному —
Жатва.
Ночами холодными
Жарко —
Жатва.
Зори над полем бессонным,
Зерна, отлитые солнцем,—
Жатва.

МУЗЫКА КУРМАНГАЗЫ

То не песня домбры —
Рокот дум.

То не рокот струны —
Ропот душ.

Это предков Земля поет.
Это коршуна плавный полет.

Это каменный лес поет.
Эта песня — грусть,
грусть.

Эта песня — плач,
плач.

Эта песня — клич,
клич.

Эта песня, что твой тулпар
Быстроногий, как ветер степей.
Эта песня — в крови пожар,
Гнев народа против плетей.

Но тулпара можно поймать
И акына можно убить.
Только ветер нельзя связать.
Только песню нельзя связать.
Только песню
нельзя убить.

Эта песня — чистый родник.
Эта песня чистой любви.

Эта песня — единый порыв.
— И-и-и...—
лавинный куланов бег.

Это степь,
а не струны домбры,
Шлет вам лесню бед и побед.
Эта песня — грусть.
Эта песня — плач!

Эта песня — клич!
Грозный клич
Для врага:
— Айра-ай!
И верблюжий
 предсмертный рев
Опрокинутых наземь врагов.
То не рокот струны —
Ропот душ.
То не песня домбры —
Рокот дум.

МОНОЛОГ ТАБУНЩИКА

Я спокойно смотрю,
Как плывут в синеве облака,
Никуда,
 никуда не спеша,
 никуда.
Потрясенный смотрю —
Сквозь асфальт
 во дворе
 прорастает трава.
Прорастает трава —
По-травиному тоже права.
Налетает порыв,
Будто вихрь,
 будто смерч,
 будто бунт,
Будто взрыв —
Все сметая,
 взрывая,
 круша —
То проходит наметом
 одичавший за лето табун.

ИРТЫШ

Идешь, упрямый и седой,
Сверкая синими очами,
Леса раздвинувши плечами,
Веселой плещешься водой.

А над тобой бегут века,
Они сильны твоею силой.
И после нас, моя река,
Вновь назовут тебя красивой.

* * *

Запахла мятою роса.
В полях утихли косы.
И смотрит осень нам в глаза
Лучисто и раскосо.

Так нежно шепчет березняк,
Сквозящий синевую:
Не может с радугой никак
Проститься над рекою.

ОТГОЛОСОК ЛЕТА

Стволы берез обнажены
В осенних переливах света.
И словно отголосок лета,
Порою трели птиц слышны.

Но синева еще чиста.
Еще томительно и сладко
В тиши целуются украдкой
Листвы горящие уста.

СТЕПЬ

В телеге, выстеленной сеном,
Пропахшей дегтем, молоком,
Мы ехали почти пешком,
Роднясь с землею постепенно.

Дышала степь травой дремотной,
Цикады пели от тепла.
Земля в росе — в рубашке потной,
Умаявшись, во тьму брела.

За тьмой, сужающей пространство,
Я чувствовала спящих птиц,
Осуждена на постоянство —
Любить живое без границ.

* * *

Земли намокшей вяжущая рыхлость,
Сутулость колосющихся полей...
Так сладок ветер с дальних тополей!
Я со своей судьбой немного свыклась...
А мне дано по гравию бродить,
Смотреть, как ветер пересекает птицы,
К моим ногам слетаются ловить
Незримых рыб в светлеющей водичке.
Брожу по тусклой радуге камней,
И озерца все мельче, мельче дрожь,
Теплей и тише, тише и теплей
Над тополями шелестящий дождь.

* * *

Дрожь воздуха, движение тонких веток,
Спокойствие с изнанкой «я люблю» —
И все мое, что было не моим,
И дальний берег — день несовершенный —
Незримо приближается ко мне,
Как в почках оживающая зелень...
И день, сравнимый только с красотой,
В неидеальном совершенстве жизни,
Уже в предчувствии, в предощущении дорог.

ДЫХАНЬЕ СНЕГА

До странного приближен горизонт.
Под мокрым снегом раскрываю зонт,
Запоминаю радости приметы:
Под снежностью обычные предметы
Свою вторую раскрывают суть.
И почему-то хочется метнуть
Снежком округлым вслед былым печалям.
Мы счастливы, когда того не чаем...
Слепят глаза непролитые слезы.
Кленовой ветки бурые стрекозы
И диких яблонь мерзлые плоды
Невидимы, покуда мы горды
Сознанием превосходства над природой...
Острее, чем минувшая любовь,
Волнение (схожее с осознанной свободой) —
Дыханье снега согревает кровь.

* * *

Пока не остановлена земля,
Пока еще мы все нужны друг другу,
Пусть рвется ненадежная петля,
Вчера, казалось, замкнутого круга.

Кривая жизни чертит новый круг,
Несбывшимся мечтам намечу сроки,
И пусть меня разбудит поутру
Знакомое предчувствие дороги.

* * *

Я с дорогой наедине
Помню лишь, где восток и запад.
Между двух далеких огней
На причалах «вчера» и «завтра».
Все уютнее, все нужней
Города, где транзит задержит.
Замыкаюсь в себе, верней,
Замыкаю себя в надежды.
Мне с попутчиками везло —
Молчаливые были люди,
Не твердили о том, что прошло,
А мечтали о том, что будет.

ПИГМАЛИОН И ГАЛАТЕЯ

Пигмалион останется отцом!
Его любовь вся в творчестве и камне.
Ему с такими теплыми руками
Судьба владеть не телом, а резцом.

Он молодым любитесь лицом,
От лишних черт его освобождая.
Пигмалион останется отцом:
Любимая — и та, и не такая.

Он в мастерской давно уже ночует,
И горбится под тяжестью предчувствий:
Уйдет. Его оставит одного.
Следит за ней, прислушиваясь чутко...
А чудо навсегда пребудет чудом,
Но не для тех, кто создает его.

* * *

Я радуюсь тому, что нелегко
И день прожить, и пережить всю осень,
Что ты сейчас надолго далеко,
И что урок мой будет завтра, в восемь.
Я в классе, поучая и учась,
Почувствую нетвердость детской речи.
Мне будут про конфликты отвечать,
Не понимая всех противоречий.
Я радуюсь, что можно не спеша,
Идти домой, за школьную ограду,
И не пытаюсь ничего решать,
Пока решаться ни на что не надо.

* * *

Я знаю давно, что ночи
Тихими не бывают:
То прошумит машина,
То заплачет во сне ребенок.
И где-то, пускай чуть слышно,
Но шелестят страницы.
Когда завздыхает ветер —
Опять запутался в листьях —
Я вспомню о тех, кто тоже
Запутался и вздыхает.
Вздыхают разные люди,
Но думают все, наверно:
Если бывает чудо,
То пусть оно будет завтра.

* * *

Переберу любимыми словами
Еще одной весны случайный свет,
Что вспыхнул мимолетными цветами,
Что, вздрогнул,— и его уж больше нет,

Которого уже не наверстает
Ни этот стих, ни будущие сны.
Ведь не весна навеки исчезает,
А сам навек уходишь из весны.

Уходишь по разбитой в прах дороге,
Меж сонных колокольцев сон-травы,
И все леса божественно убоги,
И небу не хватает синевы.

И сердцу слов любимых не хватает
Запечатлеть, как ветрен луг пустой,
Как жаворонок, падая, стихает,
Как одинок осокорь над водой.

Как черен грач на этой дымной пашне,
Как холодна лозы речная медь,
Как все — не настояще, все — вчерашне,
Как ничего нельзя запечатлеть.

Как ничего уже не наверстает
Ни этот стих, ни будущие сны,—
И не весна навеки исчезает,
А сам навек уходишь из весны.

* * *

Звезды брызнули в зенит,
Тя, отлетая...
В сон усталый мой летит
Бабочка ночная.

Золотой чешуекрыл,
Взмахом тьмы крылатой
Танец ночи закружил
Незамысловатый.

Звезды Рыбы и Стрельца
Затерялись в травах,
И касаются лица
Взмахи крыл шершавых.

КРЫЛЬЦО

На закате тлели ели,
И прищурясь на закат,
На златом крыльце сидели
Двое — жизнь тому назад.

Жизни прочей не короче
Длился вечер, шла весна,
И всходили ближе к ночи
Вместе — месяц и луна.

Месяц, звезды и луна...
Девки звали колдуна.

И — ауканье до свету,
И — петух в урочный час.
И колдун подал карету,
И она умчала нас

От весны в рассветном свете,
От всего, чего уж нет.
И кукушки злые дети
Куковали глухо вслед:

Кук-мак, кук-мак,—
Где крыльцо твое, чудака?..

СЕРГИЙ

Забьют, как звучат слова, оглохнув на оба уха,
Слышать лишь,
 как под теслом
 потрескивает обкалывающийся пень,
Как стружка стекает на пол,
 шурша
 и постукивая глухо,
А рядом
 никто не болтает осточертевшую дребедень.
К ночи устать,
 снять фартук,
 и чай наливая и откусывая краюху,
Услышать в себе
 сквозь гул намолчавшихся за день стен,—
«Сытость бо и дльгота слова — ратник есть слуху,
Яко же и преумноженная пища телесем...»
Будет
 свежо в мастерской
 от смоляного скипидарного духа.
И — из-под тесла,
 вбитого на ночь в пень,
Древнего старца глаза
 воспаленно,
 страшно,
 сухо
Вспыхнут в тьме пня,
 завитого в тугую крень. ←

ХЛЕБ И НЕБО

Судьбой ли став богаче,
Иль воспарив под небо,—
Не позабудь в удаче
Про суть земного хлеба.

На кровную полушку
Отмерь вселенской боли,
Чтоб посолить горбушку
Своей случайной доли.

Чтобы глотать, смакуя,
Вприхлеб с живой бедою,
Свою судьбу живую
Смешав с судьбой людскою.

И суть земного хлеба
Спасет, напоминая,
О хлебном духе неба
С щепотью звезд у края.

* * *

Враль, мюнхгаузен, февраль!
Новой стужей, новой стужей
Этих оттепелей лужи
Снова льдом не зазеркаль!

Ведь не луж февральских жаль,
Жаль волнений напоследок.
Что ж ты крутишь так и эдак,
Флюгер, ветренник, февраль?

Стекленеющая даль
Снова стынет в новой стуже...
Но опять хлебнул из лужи
Карлик, пьяница, февраль!

* * *

Растворимся в воде и озоне...
Огнянись осторожно назад:
Чьи-то тени в мерцающем звоне
Беспрерывно над нами парят.

Ощути же: с терпеньем и мукой
Пробиваясь в глухие сердца,
Дуновеньем, свечением, звуком
Нас тревожат они без конца.

Все настойчивей трепет касаний,
Все теснее взволнованный круг
Налетающих напоминаний
Обо всех, растворенных вокруг.

Птицей взмыть ли легко и печально,
Иль волной приласкаться к ногам?—
Чем же мне через годы случайно,
Неназойливо вспомниться вам?

Чем, до самого сердца идущим,
Тронуть вас за пределом дорог?
Чем, лишь мне беспредельно присушим,
С вами снова побыть бы я смог?

...Над трепещущей зеленью мая
Чей пожар, чья заря там видна?
То горит, то горит, не сгорая,
Золотая моя купина...

ПИСЬМО

1

«...Эти дни потоки дождя
Заливали село, покос.
Он тебя до последнего ждал,
Все лицо было мокрым от слез.
Хоронили его хорошо,
На руках несли. Провожали.
Сам директор за гробом шел,
Музыканты марши играли.
Рушниками стелила путь,
Ключевою водой кропила,
Выли плакальщицы. Не обессудь,
На оградку средств не хватило.
Сорок дней скоро минет тому,
Приезжай — помянем, поплачем,
На могилку ходим к нему.
Приезжай. Остаюсь, твоя мачеха...»

2

Папа! Папа! Ну как же так?
Боль вины горько стынет в горле.
Черный лист у меня в руках,
Как земля, где лежишь ты, черный.
Ах ты, боже, как сердце болит!
Расшвыряло нас, разминуло:
В Волонтировке дед лежит,
Ну а бабушка — под Кагулом.
Под Корнештами — мой отец
Без плиты лежит, без ограды.
Под Корнештами — мой отец,
Ни одной кровиночки рядом.
Зарастает земля травой,

Глушит землю густой татарник.
Бессарабских небес покой
Над твоей плывет головой,
Белорус Семен Конопляник.

3

И ночью проснуться от боли,
От плача, от крика навзрыд:
Немирное, горькое поле
Во мне, невоенной, болит.
Воронки кричат и окопы,
И колос, убитый свинцом,
Как будто по выжженным тропам
Шагала я рядом с отцом.
Как будто не после Победы,
А перед войной родилась,
Врываются в сон мой ракеты
И воет надрывно фугас.
Реальности краткая вспышка
Мелькнет, словно метеорит,
И снова недвижно мальчишка
Из нашего класса лежит.
И снова, согнувшись от боли,
Кричу я и плачу над ним,
И падаю в черное поле,
И падаю в горестный дым.
Не только, не только с экрана
Приходит ночами война —
Отцовская память, как рана,
Вскрывается скальпелем сна.
Отцовская память святая
Наследством вторгается в сны,
Державно и гневно рыдая
Над полем минувшей войны.

Вот мы на фотографии втроем:
Отец смеется, мать хохочет звонко,
И смотрит угловатая девчонка
Не в объектив, а прямо — в окоем.
Что видно ей с высоких рук отца,
Надежных рук веселого солдата?
Глаза ее распахнуты крылато —
На пол-лица.
Там, за спиной фотографа, шоссе,
Текущее от солнечного жара,
Там девочка — наследница Икара,
Бегущая по взлетной полосе
За горизонт... Еще один шагóк,
Еще один... Дыханья не хватает!
Ты не спеши, фотограф, пусть взлетает,
Не нажимай не черный рычажок.
Успеешь снять. Придет твоя пора.
Остановить все будущее взглядом.
Дай совместить «сегодня» и «вчера»,
Где жив отец и мама с нами рядом.
Где все потом: дорога без конца,
И высь небес, и камни под ногами,
И женщина с усталыми глазами,
И смерть отца...

СТЕПЬ

I

Желтые лучи взошли на поле,
зернами тяжелыми шурша...
Как свободно дышится на воле!
Как вращается в степь моя душа!
Что ей — лесовичке — этот воздух,
вдаль бегущий без зацепки взгляд?
То ли дело — сосны да березы
вдаль бегущий без зацепки взгляд?
То ли дело — реки да озера —
камушки блестящие на дне,
то ли — море! та ли радость — горы?
Степь одна мне видится во сне!
Нет барьеров, нет ограничений:
макрокосмос тайны и любви.
Что ни говори, а от рожденья
зов пространства есть у нас в крови.
Что ни говори, а запах хлеба
нам дороже запахов иных...
В этом поле да под этим небом
жизнь полна, как закрома страны.
Здравствуй, Степь — раскосая, хмельная
от забот бушующей страды!
Нужно ль слово здесь мое — не знаю,
знаю только, что нужна мне — ты!
Вот стою — в несокошенном «загоне»,
вытряхнув из обуви песок,
как щенок, в усталые ладони
тычется усатый колосок.
Все идет своим обычным ходом:
тают в пыльном небе облака,
даль ясна, устойчива погода...
Что же так влажна моя рука?

Стекает в машины волна
густою пшеничною прядкой.
Червонная сварка зерна
мерцает над пыльной площадкой.
Зарницы заката горят,
собой обнимая пол-неба,
но и над закатом царят
червонные всполохи хлеба.
Девчата, скрывая в платках
упрямые юные лица,
выносят из пыльных атак
червонную россыпь пшеницы.
Червонная капля зерна
блестит на КАМазовском скате.
Улыбка шофера красна,
червонна, как все на закате.
Ничто не предстанет иным,
пока запоздавшая осень
рубцует зерном золотым
октябрьскую пыльную просинь.
Ничто не запомнится так,
как эти упрямые лица
девчат в акварельных платках
на фоне червонной пшеницы.

Грунтовка пыльная опять
терзает скаты самосвала.
Мне только бы не растерять
всего, что степь наколдвала,
наворожили облака,
напели ранним утром птицы...
Не стать беспамятной, пока

часы идут, дорога длится.
Не упрекай меня, шофер,
за неуютное молчанье,
еще не кончен разговор
с тем, что осталось за плечами.
Уж так, наверно, повелось
издревле в каждом человеке:
то, что в душе отозвалось,
в ней и останется навеки.

4

Я впадаю в дорогу, как в детство впадают,
безмятежной любовью дыша, старики.
Я впадаю в степные азартные дали
без оглядки на русло иссякшей реки.
Ручейком, ручейком! — не соленую лужей —
оггибаю овраг, пропадаю в полях.
Может быть, и меня это солнце иссушит,
и впитает по капле нагая земля...
Сколько малых ручьев по степи пробежалось,
высыхая до дна, возрождаясь в зерне!
Сколько я проживу, пробегу — приближаясь
всею жизнью своей к постиженью корней
безграничной степи?

Растворившись в просторе,
я стою на земле — иль сама я земля?
Что плывет надо мной, отражаясь во взоре:
ковыли облаков, облака ковыля?
Словно не было дня, а за ним и недели...
Словно не было долгих безмолвных веков.
Это вечности крылья легко прошумели
над степною тропой, над степною рекой...

Учителя мои! Учителя —
свидетели находок и ошибок.
Меня учили всхожести поля,
меня учила твердая земля
шагать по ней, не плача от ушибов.
Любую почву различу впотьмах —
от черноземной до солончаковой.
Они скрипели пылью на зубах,
мозолями вскипали на руках
и, как зерно, выращивали слово.
Союза крепче не было и нет,
как нет опоры тверже под ногами.
Земля не раз давала мне совет.
Земля не раз давала мне ответ
на те вопросы, что приходят сами.
Я — от земли, от пахоты степной,
лелеющей росток высоких взлетов.
Вся мощь ее духовная — за мной.
Вся доброта — в душе моей земной,
в руках моих, воспитанных работой.

Словно желтые свечи, осины горят,
оплывая вощинками листьев.
Это осень, мой друг. Первый вздох сентября.
Первый след ослепительной кисти.
Что оставит она от весны, от листвы,
промелькнувшего молнией лета —
ничего, кроме рыжей, увядшей травы?
ничего, кроме угольных веток?
Разобраться бы надо, ни в чем не спеша,
отвергая законы вокзала.
Я просила совета у вод Иртыша,
степь, как старую книгу, листала...
В золотые набаты отбили поля.
Степь насытилась жаром и светом.
Что могла, отдала человеку земля.
Как посмела забыть я об этом!
Под завязку полны и мои закрома,
было все — пустотой не прельщалась.
Так гори же, костер золотого письма,
лей на листья багрянец и алоость.

ДОЧЕРИ

Ты помнишь, папа?
Помню, дочка, помню!
Ты знаешь, папа?
Знаю, дочка, знаю!
Я знаю, отчего мелькают молнии
И почему весной сосульки тают,
И где живут, и что едят ужи,
И почему Иртыш так беспокоен,
И почему скворцы не стали жить
В скворечнике, который я построил.
Лишь одного не задавай вопроса:
Мне самому, дочурка, непонятно,
В каком году я стал большим
и взрослым —
Иль в сорок первом,
Или в сорок пятом...

ОБЩАЯ ЧАШКА

Я отвык от общей чашки,
От старшинства за столом.
Приходилось, да не часто
Мне заглядывать в село.

Непоседой разъезжая,
Больше жил по городам...
Мы сидим и квас хлебаем
С тертой редькой пополам.

Квас — холодный-прехолодный,
Редька — чудо хороша!
Мы хлебаем неторопко,
А степенно, не спеша.

И командуя застольем,
Нам Ивановна в ответ:
«Ешьте, пейте на здоровье,
В городах такого нет!»

И орудует умело
Деревянным черпаком.
Стопки новеньких тарелок
За сервантовым стеклом.

Нет, не то, чтобы жалеет,
Для кого-то бережет,
Только слаще и вкуснее
В общей кажется квасок.

Вспоминаю я все чаще,
Как говаривала мать:
«Было б чем наполнить чашку,
Было б что к столу подать!»

КОСТЕР

Костру немного оставалось жить,
Он весь покрылся теплым пеплом.
Я в лес пошел, принес и положил
Ему на грудь охапку веток.
И маленькие язычки огня
Затрепетали радостно, в охотку,
Как будто он благодарил меня
За то, что вновь я дал ему работку.

* * *

Говорила: «Забудь!» —
Не забыл.
«Не пиши!» — говорила,—
Писал.
«Не люби!» — говорила,—
Любил,
А за что?
Разве знаю я сам...

СТАНОК

Дружище, устал?
Отдохни, перекурим немножко.
Хоть ты и железный,
Но так здорово хочется мне,
Как пахарю,
Уставшую от работы лошадь,
Погладить тебя
По вздрагивающей спине.

НА ПОЛУСТАНКЕ

Кого-то ждал мальчишка этот —
Я видел по его глазам.
Кого-то ждал, но не приехал
Никто на маленький вокзал.

Сияя окнами уютными,
Ушли вагоны дальше, в ночь.
Как мне хотелось в ту минуту
Мальчишке чем-нибудь помочь!

Сказать ему всего два слова.
Всего два слова от души,
Что, может, он приедет скоро,
Ты только плакать не спеши.

Что, может, он в другом вагоне,
И в поезде совсем другом.
Но плакал, плакал, как ребенок,
Осенний ветер за окном.

БАБУШКЕ

Пусть останется снег на перилах,
Пусть останется все, как теперь,—
И зима, что уют разорила,
И покрытая инеем дверь.

Незаметно исчезли иконы,
А потом твой серебряный крест,
И на Пасху, нарушив законы,
Первый раз твой Христос не воскрес.

Он уже никогда не воскреснет,
Но зато, за семь лет до седин,
Для тебя беспризорник — мой сверстник,
У могилы сирень посадил.

И не в хлебе насущном тут дело,—
Сытый век все забыл бы уже,—
Дело в песнях, какие ты пела,
Беспокоясь о нашей душе.

Если вешним дымком краснотала
Вскинет сердце, грозя уронить,—
Мне ль не вспомнить, как ты хлопотала,
Чтобы всех с красотой породнить.

Я обязан продлить твоё пенье,
Но подняться ли мне до него?
Голос есть, вот ещё бы терпенья,
И уменья чуть-чуть твоего.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Прощальный вальс наигранно задорный,
Пустеет зал. Часы двенадцать бьют.
И ясно мне, что ты — среда, я — вторник,
Что этот вальс — мой финиш, твой — дебют.

В своей руке держу твое терпенье,
Кружу, кружу... Смолкает саксофон.
И ты бежишь и, пропорхнув ступени,
Кричишь:— Звони! Запомни телефон...

Порой забыть труднее, чем запомнить,
Опомнюсь и забвению предам.
Зачем звонить? Мне хода нет за полночь,
Где улыбалась вторнику среда.

ЛЕНА

Замышлялось —

немного развлечь
Непролазность житейского плена.
Но восторга несвязную речь
Поняла молчаливая Лена.

Распахнула, вздохнув, берега.
Из глубин —
свою детскую душу
Извлекла и плеснула на сушу
К ослабевшим от счастья ногам.

Удивительно:

омут реки
При таком полноводье
прозрачен...
Жаль — не здесь мною отпуск потрачен,
И вся жизнь,
как-то так,
не с руки.
...Благодарен изгибаю пути,
За купель с ощущеньем свободы,
И прощенья прошу, что мутит
Краткосрочностью
чистые воды.

ДОМБРА

Поплывет напев неприхотливый,
Словно степь, просторный и простой,
То печальный, мягкий, то игривый,
Уведет в потемки за собой.
В нем полыни запах горьковатый
И тепло вечернего костра,
Кизяка дымок голубоватый.
Пой, думбра, степи моей сестра.
Пой, думбра, про тучные отары,
Серебра ковыльного разлива,
Сердца зов и гулкие удары
Ты вплела в нехитрый свой мотив.
Слышен мне в коротких переборах
Ветра свист и топот табуна,
Крик немой бескрайнего простора:
Эй! Пришпорь степного скакуна!
Не пойму, луна ли медью звонкой
Осыпает гордого коня,
Или сам, натянутый и тонкий,
Конь звучит как чуткая струна.
Догоняю сполохи заката,
И поет, поет мне вслед думбра,
Говорит, как эта степь богата,
Говорит, как эта степь добра.

ПОСЛЕДНИЕ ГРОЗЫ

Нив приношенье веско.
Листьев кровавый блеск.
Кто-то поймал на леску
Трепетный сердца всплеск.
Странная власть и сила
В тихом лученьи глаз.
Я у себя спросила:
Что это?— в сотый раз.
Ты мне — как весла лодке.
Русло — теченью рек.
Осень узором четким
Времени метит бег.
Станешь ли светлой былью?
Тенью ль печальных грез?
Мне опалила крылья
Ярость последних гроз.

НАСТРОЕНИЕ

Зябко, зябко, звонко, звонко.
Блеск алмазный на снегу.
Воробей чирикнет тонко,
Фыркнет лошадь на бегу.
По дороге кони, кони —
На колхозный сеновал.
Снежный скрип бодрит и гонит,
Скрылись санки за увал.
День колхозный, день рабочий
Закипел горяч, горяч —
После длинной тихой ночи —
От удач и неудач.
На деревьях иней, иней.
Солнце выпило туман.
Будет вечер темно-синий,
А рассвет румян, румян.

БОНДАРИ

Чудачит по соседству
Уже который год
Мое простое детство,
А в гости не зайдет.

Но — старая уловка:
Лишь в память постучи —
Опять река Липовка,
Студеные Ключи.

Друзья гоняют лодыря,
Колотят по мячу,
А я учусь на бондаря,
Я мастерству учусь.

И круглые, как солнышко,
Что в вышине заоблачной,
Выстругиваю донышка
И набиваю обручи.

Ах, душечка-кадушечка!
Ведь я, никто другой,
Тебя сработал утречком,
Переложил кугой.

...И вот уже азартные,
Мы с мастером вдвоем
В веселый день базарный
Кадушки продаем.

И брали, брали, брали,
И клали на возок.
Для пива и для браги,
А больше — под квасок.

* * *

*«В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой...»
Е. Винокуров*

Брожу себе по бережку,
Рыбачу на прудах —
Еще моя шинелишка
Пылится на складах.

Здоровый я и ловкий
И всем хочу добра.
Еще мою винтовку
Конвейер не собрал.

По доблестным окопам
Сочнеют лопухи.
А я всю жизнь ухлопал
На книги и стихи.

Растут мои достоинства,
А там, в чужом краю,
Давно истлело воинство
За всю мою семью,

За каждый день мой новый,
За каждого, кто жив,
За каждый вздох,
 за слово,
За каждый колос ржи...

ПОБЫВКА

Я принес ей цветы,
А трехлетнему сыну — лошадку.
Из колодца воды
Натаскал по дорожкам дощатым.
И смотрел со стены
Мой сержант на меня виновато
(Не вернувшись с войны,
Так глядят с фотографий солдаты).
...Был на кухне накрыт
Стол дубовый, покрытый клеенкой,
И рыдала навзрыд
Собачонка за дверцею тонкой.
Ей одной ли печаль!
Только разве об этом расскажешь?
Разве будешь кричать,
Что случиться могло это с каждым!
Разве надо шуметь,
Что не только в боях погибают...
А в тревожном уме
Гарнизон наш пурга замечает...
Не похмелье, не пир.
Вечер кончился,
 память изрыта,
И сверкает мундир,
И стаканы хмельные отмыты.
Надеваю шинель—
Экспонат моих будущих внуков.
И погибшего друга жене
Я неловко целую руку.

Вертится тихо планета,
Греет свои бока.
Выронишь слово — и нету,
Так тишина глубока.

И не сумеешь объясниться
С этой осенней землей,
Чтоб и в заоблачной птице
Вдруг обернуться собой.

НОЧЬ

Просвищут в полночь поезда,
Исчезнут в звездах самолеты —
Ожжет тревога мимолетно,
Что сгинешь раз и навсегда.

Сквозит и дует из окна.
Там в муках дерева нагого
И в нервах дерева другого
Вся наша жизнь отражена.

О! Эта жажда — облекать
Души порывы и движенья
В оубглренность самосожженья
И мир к участию привлекать!

* * *

К рыжей траве островной,
к серому льду Иртыша,
словно в печали какой,
вдруг обернется душа.

Марта неяркий огонь,
белая повесть березы,—
словно принял на ладонь
строчку из пришвинской прозы.

ОТТЕПЕЛЬ

Цветными писанный мелками
Рисунок дня прозрачным не был.
Его подробности мелькали
За смыслом города и неба.

Очерчен нитью одиночества,
Я на снегу его измятом
Читал пометки, как пророчества,—
Послания робкие из марта.

Деревьев замершие жесты
В такой забаве пребывали:
На интересном самом месте
Себя, казалось, прерывали.

Штрихи машин красноречиво
Стремленья силу утверждали,
Но позы статуй молчаливо
Совсем в обратном убеждали.

Январь, хранящий равновесье,
Невозмутимым оставался.

И день со сферой поднебесья
Скульптурой белой удалялся.

И светом матовым и тусклым
Хотелось глазу насладиться,
Как в папке старых репродукций
Сквозь кальку — яркою страницей.

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет...
Это сад неземной
Осыпается вниз тишиной.

Я во сне побывал в том саду,
Сон стряхнул — зимним садом иду.

Я второй раз проснусь:
Сад весной
Будет той же висеть
тишиной —

Не устанет
Никак осыпаться.
Страшно мне
В третий раз
Просыпаться.

ВРЕМЯ

У звука нет тени,
Но у него есть эхо.
У дыма есть тень,
Но он беззвучен.

У времени —
Ни тени, ни эха.
Только расцветают сады,
И осыпаются листья.

Наверно — цветенье садов —
Тень времени,
Шелест опадающих листьев —
Его эхо.

* * *

Багряная ветка осины
В руке трепетала твоей.
Была ты как осень красива
В тревожной печали своей.

Хотелось быть рядом с тобою.
Но ты все кого-то ждала,
Как осень светясь красотою,
Как осень чиста и светла.

ПОГОНЯ

За уснувшим хребтом
всколыхнулись багровые тени.
Это скачут олени,
впережку с вечерним дождем.
Очень нужно догнать им
чудесного солнца-оленя,
Чтобы сделать его
в своем стаде навек вожаком.

Напоследок оно
им ласкает горячие морды.
Дождь тому не помеха —
он последним лучом ослеплен.
Сотня взмыленных ртов
жадно ловит прозрачную воду.
Впрочем, нет, не прозрачную —
сумрак в дожде растворен.

Искры в небо летят
мимолетной сверкающей песней.
Только искры — не солнце,
знает каждый об этом олень.
Искры раз — и погаснут,
а солнце — оно не исчезнет!
И стремятся олени
вернуть ускользящий день.

Я не буду давать
на сей счет никаких объяснений.

Шар земной — он ведь круглый,
Что стоит его обогнуть?
Опусти же ружье,
если встретишь бегущих оленей,
Может быть, им осталось
до солнца всего лишь чуть-чуть.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

*Согласно преданию, Баян-Слу
оживила любимого Козы-Корпеша
на три дня.*

Да, счастливой была! Слышишь, там, далеко,
Кто-то крикнул гортанно, коня понукая?
Там рожают и кормят детей молоком,
Режут жирных овец и костры зажигают.

Люди-лисы еще не придумали лжи,
А красивую сказку акыны не спели.
Нас качают в холодной степной колыбели.
Отзовись, мой любимый, мне слово скажи!

Если рану закрыть — ты как будто бы мой.
А ладонь уберу — вновь уходишь куда-то.
Ты не думай, я скоро пойду за тобой,
Догоню, обниму и прижмусь виновато.

Отзовись, мой любимый, мне слово скажи!
Я совсем не согласна с молчаньем могильным.
Люди-волки сейчас вытирают ножи,
Что окрашены кровью твоею обильно.

КОНЦЕРТ

По полям и по лугам
Бег весны зеленой.
Говорят: артисты к нам
Едут из района.
А у нас и сцены нет.
Ладно! Чем богаты...
На траве идет концерт,
Прямо у палаток.
Бойких песен огонек,
Русских плясок лихость —
Только пыль из-под сапог,
Сарафанов вихрь!
Задают веселый лад
Тульские баяны,
А в прическах у девчат
Здесьние тюльпаны.
А в глазах — призывный свет,
Словно небо чистый.
Но закончился концерт,
Уехали артисты.
И ребята с буровых
Как-то тише стали...
Ах, девчата! Лучше б вы
К нам не приезжали!

ПОСЛЕ МАРШРУТА

Нас до полудня ливень мыл,
Потом опять мошка зудела.
Сегодня день нелегким был
И мы устали до предела.
И вот в потемках, при костре,
Едим мы хлеб с перловой кашей.
А звезды пристальной, острей
Разглядывают лица наши.
Пригревшись боком у огня,
Бурлит весельем старый чайник.
А мы еще в заботах дня,
Еще в маршруте изначальном —
Там, где осиновая дрожь
Да кручи в осыпях, как в латках...
Возьмем гитару-ленинградку,
Споем о милых городах!
О том, что встречи с домом редки...
А после песен видим в снах
Маршруты завтрашней разведки,
Опоры буровых в песках.

Марина Чуватина

* * *

А вьюга-то какая, вьюга-то какая, гляди!
Снег и с крыш, и с небес — и в пространство
летит и летит,
И не холодно вовсе, а как-то спокойно
и даже светло,
Будто вход в никуда замечает, метет —
и совсем замело.
На нее мне смотреть, мне знакомиться с ней —
благодать,
И лицо ей свое, и озябшие руки, любя,
подставлять,
И увидеть, как с крыш, из небес, из пространств
что-то долго летит,
И услышать, как кружит оно, и вьюжит, и метет,
и пуржит.
Тихо, радость моя, не мешай, помолчи, умоляю тебя
и прошу:
Я узнаю сейчас нечто важное очень, я, кажется,
еле дышу!
Я в прерванной связи с этим снежным пространством
и с этой пристрастной зимой,
А вдали — все туманы, забвенья, и кто-то кивает
огромной седой головой.

* * *

Помню **объездчиков смелых:**
Джутовы плети у них.
Долго гляжу вечерами
В ясный огонь через степь.

Утром опять кривоногий
Стадо кругами гонял.
Близко сюда не подходит
Ко мне, вольной лошадей!

* * *

Ну давай же еще посидим,
Посидим до рассвета с тобой,
Друг на друга еще поглядим:
Завтра в путь нам с тобой.

Вот уже загорелся восток.
Хорошо как! Еще хорошо.
Что гадать: смог — не смог?
Лишь бы так спокойно ушел.

То ли руку пожать?
То ли в лоб целовать?
— Ты с дороги писать не забудь.
Ты в вагоне пальто не забудь.

Не за те, не за эти слова
Полетит удаля голова.
Дай глаза: буду благословлять,
Будто старая мать.

Что вы, милый!
Здесь ваш мальчик,
Здесь та женщина бродила
в мягкой шапке черноухой
По дороге заснеженной,
Город радовался ей...

III

Лет через сто нашли конверт под полом.
Клей отошел. Сперва они смутились:
— Довольно странно... Кто так нынче пишет
И кто же тайны нынче так хранит?
И далее насилу разобрали:
«O, mon cheri *! Тулик. Вороний Остров...»,
Инициалов странное скрещенье
И подпись быструю, а чью — не разобрать.
Ну что же, так, значит, пора мне на землю

спускаться.

Пора мне спускаться
на землю.

Как видно,
пора.

Я много любила, любила прекрасно, как можно любить
в восемнадцать,
и в двадцать, и далее —
так,

уверю вас — так,
не иначе;

В избытке таких замутнений, горений, летаний,
изысканных бурь —
с продолженьем,
что каждому —
боже пошли.

Я нынче — другая. Я нынче — другой становлюсь,

* *Мой друг (франц.)*

другая какая-то стала,
бог меня знает.—
Устала.

Когда вы приходите:— Рано!—

я вам говорю.— Зачем вы
приходите рано,
скажите на милость?
Я к вам не готова!..

Но вот вы уходите.

Страсти русалочки как распались!
Страсти русалочки:— На море?
Или обратно?!

Но вот вы уходите.

Вещи свои побросали, ненужные
старые вещи:
платки,
авторучки,
свечные огарки,
листья, обожженные пеплом.

И вот вы уходите.

Косы
русалочки
виснут
с русалочьих
плеч
обоженных:
я вас провожаю...

И я говорю себе:— Поздно.—

В цветеньи акаций ваш облик плывет
утомленный;

И я говорю себе:— Поздно.—

И шум набежавшей волны
неутоленной;

И я говорю себе:— Поздно...

И шум набежавшей волны.
И море любви у колен.

V

Я так хочу
прижаться к вашему плечу
И зарыдать,
И боль свою прогнать,
И ощутить дыханья теплоту,
И успокоиться,
И жить опять.

К СТИХАМ

Родила — и умылась,
Теплым снегом покрылась,
Родила — и сказала:
— Слава богу. Устала
От тебя, моя радость,
От тебя, мой хороший,—
И ушла, спотыкаясь,
По весенней пороше.

* * *

Яблони вдруг зацвели,
Все в кружевах белокудрых.
Настежь открою окно,
Воздухом сладким упыюсь.

Кто там калиткой скрипит
И открывает калитку?
Кто это поздно пришел?
Я никого не ждала.

— Северный ветер пришел.
Шибко темно у порога,
Лампу бы дали... Принес
Светлых имен голоса.

* * *

Листаю время, а оно похоже
На древнее немецкое сказанье
Или конец рождественской недели,
Когда уж карлики устали разносить
Лимоны и миндальное печенье
Веселым детям в канительных блестках
И в вязаных чулках из козьей шерсти.
В душе тепло от свеч и разговоров,
От хвойных дум кружится голова,
А вот и гость последний: он заходит
Вслед за морозным клубом пред собой.
Из бабушкиных рук валится вязка,
А кот ворчит и, жмурясь недовольно,
Идет искать покойные места.
Гость просит, чтоб никто не волновался,
Что, дескать, он все сам сейчас уладит,

И пахнет чем-то чудным и чужим
И, кажется, озоном и ознобом.
Хуля дорогу, ветер, бог весть что,
С себя снимает он громоздкие одежды,
Пригодные на улице, склоняясь,
Целует бабушкину щеку, говорит,
Что он пробудет вплоть до истечения
Недели будущей... Светла его улыбка —
Из бороды с остатками сосулук...

* * *

Я была там и утром и днем.
Никаких изменений. Все то ж:
Тихо ветер свистел в облаках,
У плетня серый камень нашла.

Я покликала. Нет никого...
Постояла в развилке дорог.
Тихо ветер свистел в облаках,
Дальний сокол мне бросил перо.

Я под вечер пришла. Под сосной
Горевала, спиной притулясь.
Тихо ветер свистел в облаках,
Заперчил мне глаза до слезы.

Мне б покликать — да нет никого,
А кто есть — так сама убегу.
Не любя — упаси тебя бог
Всуче имя мое произнести!

НА МАРКАКОЛЕ

Старинных чувств и слов избитых
Не избежишь.
Над Маркаколем звезд избыток.
Покой и тишь.
А ровно в полночь тихо-тихо,
Как будто в сон,
Валун луны с горы скатился
За горизонт.
И слышно, как проходит время.
Не ново — пусть.
Благоговейного волненья
Здесь не стыжусь.

* * *

Мгновенья вдохновенья редки,
Их заменяет долгий труд.
...Весною взламывает реки
Тяжелый лед.
Они текут
Так разрушительно свободно,
Так празднично и широко.
...А мы опять пойдем сегодня
Дышать весеннею рекой.
Она разламывает льдины,
Крушит, седой туман клубя.
Реке весной необходимо
Взорваться.

Выйти из себя.

* * *

Когда расстанемся, поймем,
Что та зима была жестока
Не зря.
Любовь спала до срока
Под крепнувшим декабрьским льдом.
Когда расстанемся, поймем,
Что та весна была внезапна
Не зря.
Не может ждать до завтра
Любовь — жива единым днем.
...Как бесконечна эта ночь,
Вновь репетируем разлуку,
Хоть знаем, что нельзя помочь,
Но все же тянемся друг к другу.
Ах, сколько глупостей и фальши
Наворотили мы вдвоем.
Когда расстанемся, поймем?
Когда состаримся.
Не раньше.

ТРИ ВСТРЕЧИ

А первая встреча — встреча,
Вторая встреча — свиданье,
А третья встреча — разлука
отныне и навсегда.

Смотрю в лицо твое молча,
Смотрю в лицо твое долго —
Я должен его запомнить
отныне и навсегда.

Ведь первая встреча случайна,
Вторая встреча — проездом,
А третья встреча — прощанье
отныне и навсегда.

Теперь я совсем спокоен:
Четвертой встречи не будет,
Чтоб не был я слишком счастливым
и не разлюбил тебя.

СОДЕРЖАНИЕ

3	<i>Н. Алексеев</i>
7	<i>О. Бондарчук</i>
10	<i>В. Бояринов</i>
12	<i>В. Бутов</i>
18	<i>Л. Гаврикова</i>
20	<i>Л. Игнатова</i>
22	<i>Т. Кандрашина</i>
25	<i>Е. Курдаков</i>
30	<i>Л. Латышева</i>
40	<i>И. Минаков</i>
44	<i>Ю. Плеслов</i>
47	<i>О. Ротару</i>
49	<i>И. Сенцов</i>
52	<i>В. Сулыгин</i>
56	<i>Е. Титаев</i>
58	<i>В. Черепанов</i>
60	<i>М. Чуватина</i>
68	<i>В. Шустер</i>

ИРТЫШАНКА
Коллективный сборник
стихотворений

Составитель *Н. М. Чернова*
Редактор *В. В. Киктенко*
Мл. редактор *П. У. Испулова*
Рецензент *К. Бакбергенов*
Худ. редактор *В. Д. Ким*
Тех. редактор *И. Насырова*
Художник *А. Воробьев*
Корректор *Н. Жолумбетова*

ИБ 2407

Сдано в набор 07.03.83. Подписано в печать 24.01.84. УГ16045.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. П. л. 2,25. Усл. п. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,5. Усл.
кр.-отг. 2,8. Тираж 3000 экз. Заказ № 6234. Цена 25 коп.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской
ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Типография оперативной и билетно-бланочной продукции произ-
водственного объединения полиграфических предприятий «КІ-
ТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата,
ул. К. Маркса, 15/1.

ИЭС

25 коп.

ИРТЫШАНКА

